В субботу утром Сакура, не теряя времени, выпрыгнула из окна своей спальни.

Она проснулась немного поздно — за день до того, как Сенсей застал Шина в мечтах, и все они были наказаны далеко за сумерками, — но время без нее не остановилось, поэтому она помчалась по переулкам, образующим сетчатую структуру комплекса Яманака, пробираясь сквозь тесные углы, когда она мчалась к дому своей троюродной сестры.

Яманака Тайки был невысоким, долговязым и всегда слегка пьяным. Он работал на клан и только на клан на протяжении всей своей карьеры шиноби — разозлил слишком много могущественных шиноби, чтобы работать где-то еще — и он был экспертом в стиле Яманака Тайдзюцу Одиннадцать, стиле, выбранном Сакурой. .

"О? Это... это Сакура? О, нет! Я знаю! Это Сакура! Подожди, нет, это не так... ты, должно быть, Сакура?"

Он также думал, что он веселый.

«Вообще-то я Сакура», сказала Сакура. Она знала, что он делал то же самое почти со всеми своими учениками — у Яманаки было несколько фаворитов, когда дело касалось имен, а это означало, что всегда можно было сыграть в забавную игру «о каком Яманаке Арато ты говоришь?» или «Это Яманака Хана, который более близок вам или мне, разбил вашу вазу?»

Конечно, она оказалась единственной Сакурой, которую он учил, и единственной, кто был примерно ее возраста, но...

«Ах, Сакура! Рада тебя видеть!»

Сакура коротко поклонилась, и еще до того, как она закончила, его кулак уже нанес удар; У кузена Тайки было время только на юмор и драки, и он был очень счастлив, когда занимался и тем, и другим одновременно.

«Ой, давай!» Он посмеялся. — Ты хотя бы пытаешься?

Она снова двинулась вперед, но даже при этом он уже наклонился в сторону, схватил ее за руку и бедро и поправил ее форму.

«Я бы сказал, что это было хорошо, но...»

Сакура начала использовать свой кеккей генкай только неделю назад, и пройдут месяцы, прежде чем ее конкретная унаследованная версия, предназначенная больше для дезориентации, чем для получения информации, станет хоть сколько-нибудь полезной в бою.

Проблема, конечно, заключалась в том, что стиль Яманака Одиннадцать полностью полагался на использование семейной техники.

Ей очень, очень хотелось бы выбрать Пятый стиль Яманаки.

Сакура фыркнула и перевернулась так быстро, как только могла, после того как Тайки сбил ее с ног своевременным ударом ноги.

«Мне весело! Тебе весело?»

.

Когда зима вошла в земли, волнение в Конохагакуре росло: пришло время Фестиваля искусств Учиха.

Фестиваль начался всего через два года после основания Конохи, 30 лет назад, и хотя он длился всего два дня, фестиваль был и оставался одним из самых популярных (и прибыльных) времен года для Конохи.

Команде чинмоку даже не пришлось просить выходных — сэнсэй Митокадо все равно уехал на зимнюю делегацию и просто заставил их пообещать изучить различные стили искусства, представленные на выставке.

"Торопиться!" — сказала Сакура, несчастно извиваясь рядом с Джуро, пытаясь не обращать внимания на холод, исходящий из открытых окон. Они были в доме Шина, не обращая внимания на его кричащих племянников, и ждали, пока их товарищ по команде решал свои утренние дела.

За кухонным столом Нары сидел отец Шина, ел овсянку и не обращал внимания на внуков так же, как и Чинмоку. Он лениво взглянул на одного из них, заползая под стол, пытаясь спастись от брата, и ударился головой о ножку стула, но не удосужился встать: в конце концов, дети выносливы.

«Шин!» - крикнула Сакура.

"Я иду!"

Один из других его племянников — их теперь было трое — забрался на один из кухонных шкафов и, наклонившись в сторону, открыл шкаф, в котором бабушка хранила сладости.

Там было пусто.

Племяннику это не понравилось, и он бросился на дедушку, который защитно склонился над овсянкой.

Другой, средний племянник, теперь смотрел на Сакуру и Джуро и, что более важно, на бенто, которое последний нес.

«Шин!» Джуро снова крикнул.

«Иду! Иду!»

"Что это такое?" — сказал племянник №2, с интересом глядя на 12-летнего ребенка. Сакура немного отодвинулась, и Джуро пристально посмотрел на нее.

"Ничего."

«В нем есть сладости?»

"Нет."

«Я тебе не верю».

Наконец Шин скатился по лестнице, натягивая рубашку. «Извини! Мне удалось заснуть только пару часов назад!» Он схватил со стола сваренное вкрутую яйцо. «Юто! Отойди от Джуро! Хорошо, поехали!»

Чинмоку сбежал из дома, свернув по первой улице к дороге, ведущей из комплекса Нара, к дороге Учиха.

Фестиваль был громким, и не только по звуку. Конечно, было шумно — музыканты играли на деньги или под аплодисменты на углах, было установлено несколько игровых палаток, в которые теперь кричали люди, и царила обычная суета людей, стиснутых гораздо ближе друг к другу, чем обычно тоже приходится с этим бороться.

Но это было громко и в других отношениях.

Сакура не была настолько глупа, чтобы включить свои чувства во время фестиваля, но даже уровень чакры в воздухе был настолько густым, что она могла чувствовать это на своей коже. Частично это было связано с количеством людей, но основная причина заключалась в артистах, которые стояли на разных сценах: Учиха были настоящими экспертами в огненных дзюцу, и их опыт позволил им взять типично военные навыки и трансформировать их. в световые шоу, в фейерверки, в красоту.

Это было приятно, но громко .

Фестиваль также был громким в своих запахах — ларьки с едой были забиты повсюду, где только могли, и интересные ароматы сахара, хлеба, алкоголя и мяса постоянно дули вам в лицо от ближайшего ветрового потока.

Прежде всего, фестиваль был визуально громким.

«Ух ты», — сказал Джуро, глядя на гигантскую конструкцию из чакры огненного дракона, пролетевшую над их руками. «Это... большое».

"Смотреть!" Шин указал вперед, где пара Учиха исполняла смесь танца и битвы ниндзюцу на глиняной сцене.

Лично Сакуру привлекло зрелище, расположенное немного дальше: Учиха работал с ниндзя, живущим в воде, чтобы поймать потоки пара в огромные пузыри, которые плавали вверх и над толпой, пока не лопались, заливая тех, кто внизу, крошечными капельками воды. вода.

Куда бы вы ни повернули, можно было еще больше увидеть и еще больше сделать.

Сакура ухмыльнулась. «Куда сначала?»

.

Сакуре всегда нравился сюрреализм. Учитывая все это, это имело для нее определенную привлекательность, и хотя это был далеко не самый популярный стиль, она все же могла найти одну или две интересные сюрреалистические картины, даже когда не было фестиваля.

Сегодня в обычном доме была целая комната, посвященная странному стилю.

Шин, Сакура и Джуро стояли перед одной из таких картин, на которой был изображен пруд с кои, медленно стекающий с острого выступа невидимки на спящую енотовидную собаку, вдвое превышающую размер пруда.

«Я не понимаю», сказал Шин.

«Интересно, не так ли?» Сакура сказала.

Шин и Джуро переглянулись через ее голову. Она проигнорировала их и перешла к следующей картине, на которой была изображена девушка с раскрашенным лицом невесты, едущей на скале, когда они мчались прочь от армии, изображенной на заднем плане.

«Это… очень красочно?» - сказал Джуро.

"Это."

Позади них, за стенами дома, голос крикнул, что уже почти пора начинать состязание огнедышащих, и чинмоку тут же выскочил из здания — реклама соревнований обещала минутные представления, состоящие из нескольких частей. цветное пламя, поэтому все трое знали, что им нужно хорошее место.

.

Сакура едва могла держать глаза открытыми. Прежде чем выйти из дома, она попыталась отряхнуться от сна, плеснула в лицо холодной водой и даже быстро разогрелась, ожидая, пока Джуро и Шин пройдут по улице, и с тех пор прошло довольно много времени.

Ей все еще казалось, что ей осталось полсекунды до того, чтобы узнать, сможет ли она ходить во сне.

Джуро шел впереди всех, физически сильнейший из своей команды, а Шин и Сакура шли бок о бок позади него.

Было три часа ночи.

Последние несколько недель более или менее стали рутиной. Им пришлось в какой-то степени успокоиться на этом, привыкнув к размеренному распорядку своей жизни, и Сэнсэй не нашел времени, чтобы это понять.

Поэтому он решил… мотивировать их.

В частности, он решил, что пришло время научить их гордости и восприятию ее в Столице; у Чинмоку было бессмысленно, у них было золото.

«Подними меня выше!» Крошечный семилетний ребенок на носилках закричал. «Хочу заглянуть за заборы!»

Было три часа ночи.

Он ничего не мог видеть.

Они все равно подняли его выше, хватка Сакуры напряглась под нездоровым углом, под которым она была вынуждена ее удерживать.

«Ты! Впереди! Как тебя зовут?»

Дайки Митокадо, племянник сэнсэя Митокадо, отмечал день рождения в своей жизни.

— Джуро, добрый сэр, — сказал Джуро.

День Чинмоку складывался заметно хуже.

«Мне не нравится это имя!» - сказал Дайки. "Это глупо!"

Их даже не предупредили заранее — они прибыли, как и было приказано, без четверти полночи только для того, чтобы увидеть, как сэнсэй Митокадо несет сонный Дайки до самой тренировочной площадки.

«На свой день рождения, — сказал он своему племяннику, — ты притворишься худшим из богатых снобов столицы, а эти трое будут твоими слугами. Веселитесь».

«Тот, кто тебя так назвал, был глупцом!»

Когда ночь началась, Дайки постоянно смотрел на своего дядюшку, постоянно проверяя, все ли в порядке с тем, что он делает и говорит.

К этому моменту он уже не беспокоился.

«Эй, я хочу еще сладостей! Принеси мне еще сладостей!»

Шин и Сакура уставились друг на друга. Сакура, к сожалению, выполнила его последнюю просьбу (апельсиновый сок), так что это означало, что она была вынуждена нести всю тяжесть носилок, пока Шин убегал, освободившись хотя бы на некоторое время.

«Спой мне песенку!»

«Какую песню вы бы хотели, молодой сэр?» - сказал Джуро. Все, что могло быть хотя бы имитацией гордости, исчезло из его поведения несколько часов назад.

— Эм... — сказал Дайки, напряженно задумавшись.

Хуже всего, по мнению Сакуры, было то, что это явно займёт целый день. Сэнсэй хотел довести их до предела, хотел заставить их смириться со всем, прежде чем сказать им, чему им разрешено отказать.

Даже если предположить, что семилетний ребенок вздремнул или, в идеале, уснул рано из-за раннего пробуждения, это все равно был адский день.

«Выбери что-нибудь», — решил Дайки. «Я решу, нравится ли мне это».

Шин еще не вернулся. Прошло всего несколько секунд, но Сакура уже ненавидела его. Ее плечи напряглись под тяжестью, больше из-за мусора, но, по крайней мере, они почти завершили круг по городу, который просил Дайки.

Джуро фыркнул, не столько потому, что хотел этого, сколько потому, что на него тоже навалилась тяжесть, а затем начал петь короткий детский стишок.

«Нет! Я хочу взрослую песню».

Джуро попробовал другую песню, одну из старых мелодий, которую все знали.

«Это дедушкина песня! Спой новую, ту, которую я раньше не слышал».

Сакуре было очень, очень жаль Джуро.

Она ничего не сказала.

Джуро попытался сочинить песню. Он успел произнести три строфы, прежде чем Дайки решил, что это худшая из них. «Тебе следует брать уроки пения, ты настолько плох!» - сказал Дайки. Затем: «Где мои сладости? Знаешь, у меня день рождения, и, как для дворянина, мои пожелания на день рождения значат больше, чем что-либо еще!»

Седьмой день рождения Сакуры включал вечернюю вечеринку и ее любимые блюда на завтрак этим утром.

Это казалось немного чрезмерным.

К полудню чинмоку были совершенно измотаны. Дайки был творческим маленьким придурком, и каждый раз, когда они думали, что у него кончились идеи, они оказывались неправы.

К счастью, к счастью, он решил, что устал, поэтому сэнсэй Митокадо позволил им отвезти его домой, чтобы он мог вздремнуть перед ужином.

К сожалению, остаток дня все еще оставался под новыми видами пыток.

— Нет, слишком низко, — сказал Сэнсэй, тыкая Шина в грудь, чтобы поднять его на нужную высоту. "Десять раз."

Шин тихо вздохнул, но начал отрабатывать идеальный поклон дипломату из Грасса при дворе даймё десять раз, как было приказано.

«…Дзюро. Пожалуйста, поклонитесь четвертой любимой любовнице даймё, которая носит зеленое платье утром возле храма».

Сенсею нравилось это делать, включая факты, которые могли иметь, а могли и не иметь значения, так что вам приходилось анализировать то, что действительно имело значение, уже начиная поклон.

— Нет, — сказал Сэнсэй, схватив голову Джуро, чтобы она была более ровной с землей. — Ты… — Он повернулся, и Сакура последовала за ним.

Перед тренировочной площадкой стоял мужчина. Когда он понял, что его заметили, он жестикулировал.

Сенсей отпустил голову Джуро.

Чинмоку стоял и смотрел, но они ничего не слышали.

Это выглядело не очень хорошо.

Сакура беспокоилась: а что, если это будет следующая война? Конечно, это было иррационально – она могла придумать сотни более вероятных способов узнать о войне – но эта мысль не уходила.

Затем, глядя на выражение лица посланника, ей в голову пришла новая мысль: что, если бы умер еще один из ее братьев и сестер?

Она не видела Аоя много лет. Акина и Арато в последнее время тоже не появлялись, а в последний раз Акина приходила одна и не собиралась много говорить. А ее отец — он не был дома с четвертого курса.

Что, если—что если—что если—

Сенсей кивнул, затем повернулся к ним.

У Сакуры перехватило дыхание.

Выражение его лица было, как всегда, непроницаемым, но она знала.

Кровь стучала в ушах.

Кто-то был мертв.

Кто это был?

Мама?

Папа?

Рен?

Саюри?

Сэнсэй направился к ним.

Аой?

Акина?

Арато?

Она почувствовала, что у нее перехватило дыхание.

Аяме?

Фудзио?

Сэнсэй остановился, затем повернулся.

«Нам нужно поговорить», — сказал он.

«Хорошо», — ответил Джуро.

Сэнсэй положил руку на плечо Джуро, и они отошли в сторону.

Шин и Сакура уставились друг на друга.

Сэнсэй что-то пробормотал.

Джуро задохнулся от рыданий.

Зоро Акимичи был убит.

http://tl.rulate.ru/book/96215/3305519